

УДК 1: 37.035 (575.2) (04)

СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

И.Е. Лукьященко¹

Stereotypes could be studying as a component of cognitive process, as result of process integration and schematization of them. In that aspect could be making its gnoseological analysis: to discover the extent of veritable knowledge, to carry out structural analysis, to determine the level of the stability and the fixity.

Ключевые слова: когнитология, когнитивная психология, психология познавательных процессов, теория стереотипов, стереотипизация, групповая принадлежность, социальные стереотипы, ролевые схемы, схемы личности, схематизация, категоризация, когнитивные процессы, каузальная атрибуция.

Когнитивные науки – это некий конгломерат научных дисциплин, объектом исследования которых являются естественные и искусственные познающие (когнитивные) системы. Фундаментальные исследования в этой области позволяют понять механизмы функционирования интеллекта человека, его восприятия, речевой способности, а прикладные – создать эффективные методики и системы обучения, реализовать когнитивные механизмы в разнообразных компьютерных системах обработки речи, изображений и т.д. Основными разделами являются когнитивная психология, когнитивная лингвистика, теория нейронных сетей и т.д. Различные ученые дают собственную интерпретацию термина «когнитивный» в зависимости от того, в ка-

кой конкретной науке он используется. Изменение целей когнитивной науки влечет за собой частичное изменение характеризующего ее термина.

Анализ источников по проблеме использования термина «когнитивный» позволяет определить диапазон его собственного употребления, а также исключить случаи его использования, которые представляются недостаточно оправданными и не могут считаться общепризнанными. Это, во-первых, отождествление его с термином «обыденный», во-вторых, отождествление его и разъяснение через приравнение прилагательного «когнитивный» прилагательному «нейрологический». В-третьих, это такое употребление термина, при котором он лишается реального содержания и выражает одно только желание использовавшего его автора следовать моде или соответствовать по тематике наиболее престижным направлениям своего времени.

¹ Лукьященко Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук КРСУ.

При этом термин «когнитивный» в значении познавательный или соответствующий познанию появился в философской литературе довольно давно¹. Однако с появлением когнитивной психологии, которая была определена как «изучение ментальных процессов», а также в связи с новыми подходами к рассмотрению психических процессов (восприятия, внимания, запоминания, мышления и т.д.), характеризующих ментальную деятельность человека, термин «когнитивный» значительно расширяет свое содержание. Когнитивная теория – это исследование ментальной информации, то есть той, что лежит в основе человеческого сознания.

Чтобы понять, что входит в понятие «когнитивные науки» и чем они занимаются, необходимо обратиться к истории понятия. Первыми употребили обозначение «когнитивный», «когнитивная» психологи, которые поставили себя в оппозицию к бихевиоризму и необихевиоризму. Со временем, с падением влияния необихевиоризма, едва ли не вся психология стала «когнитивной», но это сделало еще менее ясным содержание термина. Так, в предисловии к опубликованным материалам финско-советского симпозиума по когнитивной психологии говорится, что «когнитивная психология... включает в ядро своего предмета совокупность познавательных (ментальных) процессов – восприятие, память, мышление, представление»². Там же говорится, что участники симпозиума исходили из эквивалентности понятия «когнитивная психология» понятию «психология познавательных процессов».

¹ См. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

² Когнитивная психология. – М., 1986.

³ Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – М., 1996.

⁴ Павлова М. Метафоры и когнитивные науки. – М., 1998.

Именно психология выступает ядром когнитивных наук, к которому примыкают определенным образом ориентированная лингвистика (язык обеспечивается ментальными процессами) и искусственный интеллект как моделирование важнейших функций психики. Вполне естественным кажется включение теории принятия решений, теории аргументации, теории речевого воздействия и ряда других. Когнитивная психология изучает то, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение. Когнитивная психология охватывает весь диапазон психологических процессов – от ощущений до восприятия, распознавания образов, внимания, обучения, памяти, формирования понятий, мышления, воображения, запоминания, языка, эмоций, процессов развития. Она охватывает всевозможные сферы поведения³.

В соответствии с наиболее распространенной точкой зрения, когнитивная наука – это наука о системах знаний и обработке информации (Р. Шепард). Один из ученых-когнитивистов М. Газзанига в беседах с Дж. Миллером утверждал, что ученых, работающих в этой области, объединяет желание узнать «...когнитивные правила, которым следуют люди, и те представления знаний – the knowledge representation, на операции с которыми эти знания направлены». В.В. Петров видит основную задачу когнитивной науки в том, чтобы «...понять, каким образом человек... оказывается способным перерабатывать, трансформировать и преобразовывать огромные массивы знаний в крайне ограниченные промежутки времени»⁴. Таким образом, рассмотрение процесса познания с необходимостью подталкивает нас к проблемам стереотипа и стереотипизации как процесса упрощенной переработки информации. Не случайно, рассматривая рамки изучения феномена стерео-

типа, почти все авторы говорят о когнитивном аспекте или когнитивном подходе¹.

Под когнитивным подходом понимается решение традиционных для данной науки проблем методами, учитывающими когнитивные аспекты, в которые включаются процессы восприятия, мышления, познания, объяснения и понимания. Когнитивный подход в любой предметной области акцентирует внимание на «знаниях», вернее, на процессах их представления, хранения, обработки, интерпретации и производстве новых знаний. Когнитивный подход имеет десятки ракурсов. Большое внимание уделяется вопросам понимания естественного языка, компьютерного перевода, проблемам компьютеризации общества и теории искусственного интеллекта. Когнитивный подход может рассматриваться как трамплин, позволяющий преодолеть невидимые барьеры, которые нередко возникают между людьми, говорящими и мыслящими на разных языках.

Когнитивные проблемы – восприятие, познание и понимание действительности – волновали философов и психологов во все времена. Но начавшееся после второй мировой войны бурное развитие кибернетики и вычислительной техники, появление в 1950-е гг. первых «думающих» машин, пытающихся решать логические задачи, играть в шахматы, понимать устную и письменную речь, переводить ее на другие языки, вынудили по-новому взглянуть на процессы мышления, познания и понимания. В середине 1950-х гг. в центре внимания оказался феномен знания и связанные с ним проблемы получения, хранения, обработки и репрезентации знаний – как в голове человека, так и в компьютерной системе. Ученые вынуждены были пересмотреть свои

взгляды на восприятие, память, воображение, рассматривая их сквозь призму компьютерной метафоры деятельности мозга.

Историки полагают, что в 1950–60-е гг. в науке произошла когнитивная революция – смена научной парадигмы, по Т. Куну. Как писал в 1991 г. известный специалист по теории искусственного интеллекта и когнитивной лингвистике Н. Хомский, «Когнитивная революция относится к состояниям разума/мозга и тому, как они обуславливают поведение человека, особенно – когнитивным состояниям: состояниям знания, понимания, интерпретации, верований и т.п.»². Впервые центр когнитивных исследований был создан в Гарварде в 1960 г. К этой дате относят зарождение когнитивной науки (когнитологии) – междисциплинарного научного направления, объединяющего философию (теорию познания), когнитивную психологию, нейрофизиологию, антропологию, лингвистику и теорию искусственного интеллекта. Локомотивом когнитивного содружества, конечно, является теория искусственного интеллекта, ведь на ней стоят стремительно развивающиеся отрасли промышленности, связанные с производством компьютеров и электроники, развитием сети телекоммуникаций. В связи с этим в когнитологии доминирует технологический подход к изучению знаний, а критерием качества когнитивных теорий является практическая реализация.

Теория искусственного интеллекта в когнитологии понимается весьма широко и включает в себя теорию информации, теорию принятия решений, теоретическую информатику. Однако период эйфории от успехов искусственного интеллекта, создания экспертных систем, полностью заменяющих человека в решении практических задач, в основном завершился, и в настоящее время ставятся более реалистические задачи: обеспечение технологического синтеза интеллектуальных возмож-

¹ Шихирев П. Современная социальная психология. – М., 1999.

² Цит. по: Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М., 1997.

ностей человека и ЭВМ, разработка интерактивных систем визуализации информации, систем поддержки принятия решений. Благоприятное воздействие теории искусственного интеллекта испытали все науки, собравшиеся под когнитивным «зонтиком», но наибольший выигрыш получила психология. Как указывает психолог Р. Солсо, «...между искусственным интеллектом и когнитивной психологией установились своего рода симбиотические отношения, где каждый выигрывает от развития другого. Ибо, для того чтобы искусственным образом сделать точную копию человеческого восприятия, памяти, языка и мышления, нужно знать, как эти процессы происходят у человека. И в то же время развитие искусственного интеллекта дает новые возможности к пониманию человеческого познания»¹.

Вышедшее в 1996 г. на русском языке учебное пособие Р. Солсо «Когнитивная психология» достаточно полно освещает теоретические и прикладные аспекты данного научного направления, датой рождения которого принято считать 1967 год. В этом году была опубликована монография У. Найссера, озаглавившего свою книгу аналогичным образом. За сорок лет стремительного развития когнитивная психология стала ведущим направлением психологии, а ее исследовательская методология распространилась практически на все предметные области. Последнее время ученые говорят уже о второй когнитивной революции, считая, что компьютерной метафоры мозга недостаточно и необходим комплексный анализ деятельности человека, когнитивный анализ эмоций, настроения. Преобладавшая в 1980–90 гг. ориентация когнитологии на изучение реакций изолированных субъектов явно недооценивала роль

социальных факторов. Вторая когнитивная революция возвращает психологию к анализу действий «...активных индивидов или групп, которые с помощью материальных или символических средств решают все виды задач в соответствии с локальными стандартами корректности»². Когнитивная парадигма захватывает не только психологию, но и социологию, осуществляет стремительную экспансию в педагогике, истории, философии. Следует иметь в виду, что популярность когнитивного подхода обусловлена не только глубиной и новизной идеи, но и практическими успехами когнитологии: в промышленности, медицине, экономике реально действуют несколько тысяч экспертных систем, а элементы искусственного интеллекта используются практически во всех современных программных комплексах и, конечно, в обучающих системах.

А теперь обратимся к исследованию когнитивного аспекта в теории стереотипов. Когнитивный подход выводит стереотипизацию из закономерностей процесса познания: акцент делается на процессах восприятия и категоризации (Г. Тэджфел, Д. Тейлор, С.Т. Фiske, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон и др.). Человек не имеет возможности рассматривать каждую группу как уникальную, поэтому вынужден полагаться на стереотипы, в которых уже содержится необходимая информация. Категоризация обусловлена потребностью личности в создании именно тех представлений, которые были бы приемлемы в ее физическом и социальном окружении и которые являлись бы проекцией ценностей этой личности. С этой точки зрения, стереотипы не могут считаться иррациональными, так как они отражают рациональную избирательность воспринимающего. Признается и возможность неточности стереотипов: процесс познания сам по себе несовершенен, и в нем возможны ошибки.

¹ Солсо Р.Л. Указ. раб. С.496.

² Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. – СПб., 1998. С.4.

В разных концепциях в рамках когнитивного подхода подчеркиваются различные аспекты стереотипизации: значимость индивидуального восприятия и социальной репродукции стереотипов, роль ценностей, знания, опыта в восприятии аутгрупп. Действительно, источником формирования социальных стереотипов является как личный опыт человека, так и выработанные обществом нормы. Разные социальные группы, реальные (нация) или идеальные (профессиональная группа), вырабатывают стереотипы, устойчивые объяснения определенных фактов, привычные интерпретации вещей. Это вполне логично, так как стереотипизация – необходимый и полезный инструмент социального познания мира. Он позволяет быстро и на определенном уровне достаточно надежно категоризовать, упрощать социальное окружение человека, делать его понятным, следовательно, прогнозируемым. Таким образом, селекция, ограничение, категоризация огромной массы социальной информации, ежеминутно обрушивающейся на человека, – когнитивная основа стереотипизации. Оценочная поляризация в пользу своей группы, дающая человеку чувство принадлежности и защищенности, – мотивационная основа этого механизма.

Механизмом формирования стереотипов являются и другие когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют ряд когнитивных функций – функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии и т.д. Стереотипы базируются на таких психологических процессах, как избирательное внимание, оценка, формирование понятий и категоризация, лежащая в основе стереотипа атрибуция, а также процессы усвоения индивидом уже сформированных стереотипов в процессе социальной идентификации и конформизма. Необходимо отметить, что в работах, изучающих

стереотипы как составляющую когнитивного процесса, таковой обязательно рассматривается с точки зрения его истинности или ложности, объема содержащейся истины. Представления об объеме истины, содержащейся в стереотипе, постоянно менялись. Если, например, У. Липпман считал, что стереотип не обязательно ложен – он может быть и абсолютно правильным, – то у его последователей можно встретить такие взгляды на стереотип, как, например, на «совокупность мифических признаков, приписываемых группам» или как на «широко распространенную ложную информацию, ...традиционную бессмыслицу».

Однако по мере того как шло накопление знаний о стереотипе, категорические оценки о его ложном характере сменялись более сдержанными. Приняв гипотезу О. Клайберга о «зерне истины» в стереотипе, группа исследователей (среди них Р. Браун и Х. Шоэнфилд) пошла по пути выявления тех факторов, которые влияют на объем «зерна истины». Были высказаны гипотезы о том, что признаком истинности стереотипа может служить совпадение мнений членов одной группы с мнениями представителей другой группы о первой, о положительной корреляции униформности (единства мнений членов данной группы) и истинности, о связи информированности (объема знаний) и истинности гетеростереотипа. Но последующая практика поиска «зерна истины» стереотипа показала, что этот путь исчерпал себя, тем самым подтвердив мысль Дж. Фишмэна о том, что проблема истинности стереотипа – это псевдопроблема¹.

В самом деле, объяснение природы стереотипа через категории истинности и ложности основано на посылке о случайном наполнении стереотипа ложными знаниями и о возможности исправления ложного стереотипа

¹ См.: Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения. – М., 1999. С.242-250.

путем сообщения человеку достоверной информации. Но низкая эффективность проведения в разных странах кампаний по борьбе, например, с расовыми предрассудками свидетельствует о несостоятельности этого тезиса. Сегодня во многих работах к стереотипу обращаются в контексте исследования именно процесса стереотипизации, который понимается как процесс «низшего уровня», и акцент делается на обобщении, генерализации по некоторым бросающимся в глаза признакам, воспринимаемым как существенные для данного объекта, то есть процесс стереотипизации определяется как схематизация и упрощение свойств воспринимаемого объекта.

Вот почему при рассмотрении когнитивных процессов большинство авторов выделяют такие процессы, как категоризация, схематизация и атрибуция. В своей повседневной жизни мы сталкиваемся с множеством стимулов: объектами окружающего мира, людьми, которых мы встречаем, тем, что мы слышим или говорим. И практически невозможно, чтобы мы отследили их все, то есть когда наше сознание создает ментальные образы всех людей, мест, событий, ситуаций и действий, с которыми мы сталкиваемся, невозможно представить все эти стимулы в виде одиночных, независимых блоков информации. В связи с этим мы формируем понятия, посредством которых можем мысленно представлять эти события, ситуации, места и людей, так чтобы наше сознание могло с ними работать. Мы классифицируем события, объекты, ситуации и людей в ментальных категориях-понятиях так, чтобы можно было и оценивать таковые, и действовать исходя из оценки.

Категоризация – процесс, посредством которого понятия группируются вместе. Невозможно обработать каждый индивидуальный момент, но возможно создать категории информации и оценивать именно их. Таким образом, процесс категоризации есть про-

цесс соотнесения единичного к некоторым классом, в качестве которого и могут выступать социальные стереотипы. Этот процесс является фундаментальным для восприятия, мышления, языка и деятельности. Чаще всего он осуществляется автоматически и дает нам возможность организовать бесконечность и разнообразие мира в виде определенного числа категорий. Категории налагают упорядоченность на сложное многообразие бытия и благодаря этому позволяют эффективно взаимодействовать с ним. Отнесение различных объектов к категориям служит человеку и руководством к действию: так категория сокращает путь определения стратегии поведения, сводит этот процесс к наиболее краткому варианту. Но всегда ли это имеет положительное значение? Конечно, нет. Все богатство, многообразие, динамику изменений и нюансы объекта мы делаем статичными и неточными. Мы сами создаем реальный базис для создания некоего «среднего» образа, а именно – стереотипа.

Социальной категоризацией, согласно Г. Тэжфелю, является «...упорядочивание социального окружения на основе группирований личностей таким образом, который осмыслен для индивида». На этот процесс влияют ценности, культура и социальные представления. Как только категории создались, они оказывают «настраивающий и фильтрующий эффект» на людские перцепции, ибо люди склонны к подкреплению своих представлений о социальном мире¹. На то, что мы знаем о личности, влияет категория, в которую она помещена. Особо четко это можно наблюдать в отношении расистских и этнических стереотипов, эйджизма и сексизма. Более того, основываясь на знании данной категории, мы склонны и вести себя соответ-

¹ Крысько В.Г. Введение в этнопсихологию. – М., 1996.

ственно ей. Процесс категоризации основывается на воспоминаниях («Точно, так оно и было...»), будущих перцепциях и предположениях («Только это и можно от них ожидать!», «Что вы хотите от этой нации?!» и т.д.).

Социальные стереотипы, поэтому, есть содержание категорий, относящихся к социуму. Они могут рассматриваться как «...особые типы ролевых схем, которые организуют предшествующее знание и ожидания личности о других людях, которые подпадают под конкретные социально определенные категории»¹. Социальное стереотипирование имеет место, «...когда комплекс черт, ролей, эмоций, способностей и интересов атрибутируются индивидам, которые категоризируются на основании легко идентифицируемых характеристик»². Таким образом, социальная категоризация является одним из механизмов формирования устойчивых представлений о различных социальных группах, в частности, социальных стереотипов, предрассудков и предрассудков.

По мере категоризации личности, события и ситуации в процесс социализации включается схематизация – нахождение в опыте соответствующей схемы. Наиболее часто встречающееся определение схемы – знание о понятиях или типах стимулов, включающие их атрибуты и отношения между ними. Схемы представляют собой ряд взаимосвязанных мыслей, представлений, социальных установок, предоставляющих возможность быстрого распознавания объектов при наличии ограниченных информационных ресурсов. В наиболее общем виде они представляют собой некоторые, основанные на индивидуальном опыте обобщенные представления в отношении объектов и ситуаций, применяемые к их быстрой оценке и прогнозированию воз-

можного развития отношений. Когнитивные схемы организуют репрезентации людей по отношению конкретных аспектов их окружения, создают основания для ориентации и избрания оптимальной стратегии обращения.

Чаше всего при встрече с объектом человек уже обладает некой схематизированной структурой представлений о нем, ситуации и возможной логике развития событий. Более того, даже при очевидной для других неадекватности избранной схемы он упорно придерживается ее. Каждый человек «нашпигован» самыми разными схемами, составляющими его поведенческий багаж. Неопределенность познаваемого объекта заполняется субъектом с помощью информации, заложенной в данных схемах. Чем более близки схемы по отношению друг к другу, тем более вероятна их одновременная активация, предоставляющая полезную информацию. Обладая способностью совершать выводы и делать обобщения на будущее, фиксируемые в опыте в виде схем люди получают дополнительные ресурсы для оптимальной деятельности.

Выделяют различные типы схем. Так, В.А. Янчук предлагает выделять схемы личности, ролевые схемы, скрипты (организованные единицы стереотипной информации, создаваемые в типовых ситуациях), схемы свободного содержания и схемы самости³. Наибольший интерес представляют ролевые схемы и схемы личности. Схемы личности – индивидуализированные структуры знаний о конкретных людях и их особенностях. По существу, по отношению к любому знакомому, да и незнакомому человеку формируется некая теория личности, которая представлена в опыте в виде схемы, отражающей субъективно наиболее существенные или значимые характеристики. Именно на этапе формирования этого представления о человеке и происходит насыщение схемы собственными суждениями, в последствии укореняющимися в

¹ Солсо Р.Л. Указ. раб. С.41-47.

² Там же.

³ Павлова М. Указ. раб.

виде социальных стереотипов. Встречаясь с человеком, в большинстве случаев мы не осуществляем его детальное изучение, а как бы осуществляем поиск наиболее пригодной схемы и выступающей в дальнейшем в качестве ориентира для развития взаимоотношений. Детальность схемы во многом определяется степенью знакомства с человеком, его типичности и т.п. Иногда человек может «не вписываться» в имеющиеся схемы и тогда мы говорим «не могу его раскусить» или «вещь в себе», но, тем не менее, мы продолжаем поиск пригодной схемы или совокупности таковых, что представляет собой уже «сеть».

Что касается ролевых схем, то здесь можно вспомнить типологию личности К.-Г. Юнга и его «персону». Мы все прекрасно определяем наши социальные роли: «Кто Я?», «Я – враг», «Я – учитель», «Я – начальник» и т.д. Ролевые схемы – структуры знаний о требованиях, предъявляемых к определенным социальным ролям. Каждый из нас обладает представлениями о том, что должен делать, каким должен быть человек, занимающий определенную позицию в обществе, то есть выполняющий соответствующую социальную роль. Эти представления могут варьироваться от человека к человеку, от ситуации к ситуации, но они обязательно определяют наши ожидания. На основе таких представлений и ожиданий и формируется социальный стереотип, в основе которого лежит установка, своеобразная предуготованность к определенному рода оценкам и интерпретациям. Если вы вызвали врача, то у каждого из вас есть схема «предзаданности» образа, и если вдруг к вам явится человек в клоунском колпаке, то вряд ли вы его воспримете как врага и прислушаетесь к его рекомендациям (даже если он очень талантлив). Увы, схема не подходит.

Люди, ситуации и события могут обладать различными характеристиками, не всегда очевидными для выбора в качестве оснований

для категоризации, а следовательно, для выбора соответствующей схемы. Предпочтение может отдаваться также более легко идентифицируемым и активизируемым схемам, основывающимся на индивидуально значимых индикаторах, например, цвету кожи, одежде, привлекательности, контекстуальной отличаемости (единственная женщина в компании мужчин) и т.п. Большую роль играет привычность использования схем: чем чаще схема используется, тем более она становится частью нашего «я», тем более кажется истинной. Особенно это касается людей, которые работают в сфере постоянного общения, например: врач–пациент, педагог–ученик. При постоянном взаимодействии происходит схематизация объекта и типизация его. Например, учителю кажется, что он точно знает, чего ждать от его подопечных, и бывает страшно обескуражен, если схема «пошатнулась»: ученик не согласился с его мнением или вступил в спор, а пациент хорошо знает латынь и обнаружил ошибку в рецепте. Вот почему схемы имеют особенность не только приобретаться, но и развиваться и даже изменяться, но процесс этот довольно медленный и противоречивый. Только через непосредственный опыт взаимодействия с социумом происходит развитие и изменение схем.

Детальное рассмотрение проблематики схематизации обусловлено той популярностью, которую она приобрела в исследованиях 1980–90-х гг. Хотя наряду с достоинствами схематический подход обладает и рядом уязвимых черт, тем не менее, его роль в формировании стереотипных представлений о социальной реальности бесспорна, и исследования в данной проблемной области продолжают интенсивно развиваться и сегодня. В механизм формирования стереотипов вовлечены не только схематизация, категоризация и т.п., но и другие когнитивные процессы, прежде всего каузальная атрибуция – «...интерпрета-

ция субъектом межличностного восприятия причин и мотивов поведения других людей». Основы изучения каузальной атрибуции заложил Ф. Хайдер, разработавший ее основные категории и принципы. Изучением атрибуции занимались также Г. Келли, Э. Джонс, К. Дэвис, Д. Кенноуз, Р. Нисбет, Л. Стрикленд¹.

Атрибуции выполняют в нашей жизни важные функции. Они позволяют нам организовывать информацию в психологически значимом ключе. Эта психическая организация необходима, по крайней мере, из-за количества событий, происходящих вокруг нас. Ряд исследований показал, что атрибуции связаны с контролем и что люди, стремящиеся к контролю, производят атрибуции чаще, чем остальные. Атрибуции помогают людям упорядочивать новую информацию о мире и устранять несоответствия между новым и старым способами понимания намерений и поведения окружающими. В процессе атрибуции происходит приписывание причин поведения и достижений индивидов на основании групповой принадлежности. Люди объясняют поведение влиянием внутренних (личностных, субъективных) факторов. При этом они склонны свои успехи объяснять своими внутренними качествами, а неудачи – внешними обстоятельствами. Напротив, успехи других чаще объясняются внешними, а неудачи – внутренними факторами. Этот феномен неразрывно связан с функцией, которую выполняет в психологической структуре личности «Я-образ», складывающийся как результат взаимодействия базовых оценочных отношений человека к миру, себе и другим людям. Эта функция состоит в защите положительной самооценки самыми разнообразными способами: от завышения своей самооценки до занижения оценки других.

¹ См. Шульц Д., Шульц С. Указ. раб.

Также следует отметить, что стереотипы возникают на основе недостаточного прошлого опыта и стремления делать выводы на базе ограниченной информации. Таким образом, часто возникают стереотипы относительно групповой принадлежности человека, например, принадлежности его к какой-то профессии. Тогда ярко выраженные профессиональные черты у встреченных в прошлом представителей этой профессии рассматриваются как черты, присущие всякому представителю этой профессии (все учительницы – серые мыши, все чиновники – воры и т.д.). Мы пытаемся делать выводы и строить заключения по сходству с предыдущим опытом, даже если он недостаточен или вообще отсутствует. Стереотипизация в процессе познания приводит к двум различным следствиям. Во-первых, это упрощение самого процесса познания, когда мы получаем своеобразный «штамп», отсутствие точности образа и эмоциональной окраски (хотя здесь можно и поспорить). Тем не менее, такое упрощение необходимо. Во-вторых, здесь возможно появление предубеждения, ибо если мы исходим из прошлого негативного опыта, то любое новое восприятие будет окрашено неприязнью. Подтверждением этого являются как многочисленные экспериментальные исследования, так и сама реальная жизнь, где ограниченная информация о представителях каких-либо групп ведет к предвзятым выводам относительно всей группы.

Отдельного упоминания заслуживает позиция Г. Тэджфела, который, с одной стороны, был приверженцем когнитивного подхода, а с другой, – трактовал стереотипы в рамках межгрупповых отношений и теории конфликта. Стереотипы, по Г. Тэджфелу, определяются восприятием людей в терминах их групповой принадлежности. В результате процесса категоризации происходит акцентирование групповых различий между Я и Другим, и уже

затем, на основании этого – дискриминация аутгрупп. Таким образом, стереотипы представляют собой функцию взаимодействия между Я и Другим, они подвижны, ситуативны и зависят от контекста межгрупповых отношений. Следовательно, полагает Г. Тэджфел, изменение стереотипа возможно лишь через изменение межгрупповых отношений¹.

Да, говорят многие исследователи, одним из оснований стереотипизации являются когнитивные факторы: недостаток информации о конкретном объекте стереотипизации, а также неизбежность упрощения картины мира в условиях ограниченности возможностей познать реальность во всем ее многообразии и сложности. Однако исчерпывающим такое объяснение мешают признать ряд причин. Во-первых, нельзя не заметить, что даже в условиях возрастания общения между стереотипизирующей и стереотипизируемой группами стереотипы не исчезают, необходимая же для корректировки образа Другого информация просто не воспринимается. К

примеру, совместное существование мужчин и женщин не элиминирует гендерных стереотипов. Согласно же «контактной гипотезе», стереотипы разрушаются при получении информации о другой группе, от позитивного межперсонального контакта. Далее, любая группа (этническая, расовая, гендерная) конструирует Другого сходным образом, следовательно, дело не в реальных качествах объекта стереотипизации (которые различны), а в общих закономерностях конструирования Своих и Чужих. Наконец, свойства, приписываемые Своим и Чужим, ассиметричны и неравноценны. Это и позволяет исследователям дополнить когнитивный подход иными позициями, ибо только в совокупности исследований возможен полноценный анализ такого явления, как социальный стереотип. В любом случае, наиболее важная функция стереотипа – это вовсе не получение истинного знания об объекте познания, а четкое определение, где «проходит изгородь и кто находится по ту сторону изгороди»².

¹ См. Крысько В.Г. Указ. раб.

² Солсо Р.Л. Указ. раб.